

Суслик, выскочив из норы с другой стороны оврага, долго-долго бежал по вздрагивающей, как от землетрясения, степи. Он так никогда больше и не вернулся к оврагу.

Там, на краю оврага, взрыв поднял из

норы натасканное сусликом зерно. Оно лежало на две воронки — желтое и мудрое — как подарок мальчишке.

А потом, на следующий год, на этом месте выросла пшеница.

## ИМЕНА

Жила-была мать, и было у нее четыре сына, четыре славных молодца...

На этом сказка кончается.

Если хочешь — можно начать со сказки любую историю. Но потом сказка в этой истории, как детство в жизни человека, вдруг кончается и начинается то, что было в действительности.

Извини, пожалуйста, сказка, прощай, детство, — в сорок первом началась война и сказки вместе с детьми увезли на восток, а с востока трех материных сыновей вместе с другими сыновьями повезли на запад. Четвертый сын был еще маленький и для войны не годился. Он мог читать сказки, но сказки в ту пору были глухими и немymi — глухонемыми, они не звучали и не откликались — видно, их оглушило войной, как тогда говорили, контузило, и они лежали на полках, как на больничных койках.

Вместо сказок четвертый сын слушал сводки. В сводках говорилось о погибших — и их нельзя было спасти никакой живой водой, упоминались села и города — по ним можно было учить историю и географию, сводки звучали как заклинания: сегодня, завтра и во веки веков не упади, не отступи, не умри.

В сорок первом — летоисчисление в войну шло своим чередом — под Москвой погиб первый материн сын. Его звали Василием — такое у него было имя, и оно ему шло.

— Под Москвой, под Москвой, — шептала мать, пытаясь соединить в себе оборванные клетки, но они никак не соединялись. Москву мать знала, и это ее немного успокоило.

В сорок третьем году под Курском погиб второй материн сын. Его звали Петром, и после него осталось только одно это имя, будто сам он вышел из вагона номер двенадцать и пропал, а поезд, не дождавшись его, ушел дальше. Казалось бы, ничего страшного: в вагоне номер двенадцать поехали другие пассажиры — мало ли людей с именем Петр продолжали жить на свете, но у матери был один Петр, и она, потеряв его, потеряла полмира.

А война, как поезд без расписания, все шла и шла. Были и у нее свои станции, которые объявляли в сводках, но когда она дойдет до конечной точки — знали плохо. Она и не торопилась доходить — война никогда не торопится.

В сорок пятом году под Берлином погиб третий материн сын. Ему оставалось сделать всего один шаг до мира, всего один шаг из тысячи, когда он упал и уже больше не поднялся. Его звали Никитой, и имя его потом записали на гранитной плите, обращенной к солнцу, — маленькая записка, которую можно читать даже жителям других планет. После войны остался порох и остались снаряды, но от материных сыновей, ушедших на войну, ничего не осталось, словно они прищипли друг другу как раз впору — война и сыновья, и только-только друг на друга их хватило. Мать собрала их имена — эти стреляные гильзы калибра года рождения, которые брэнчали, задевая друг друга, будто стонали об утрате своей сути, — мать собрала их и оставила себе, чтобы мальчишки, случайно подобранные, не могли играть ими в войну.

Было у матери четыре сына, а остался один. После войны он вырос и в один и тот же год стал ровесником всех своих братьев, потому что они рождались и умирали через два года друг после друга, а он, родившись позже, продолжал жить. Его звали Андреем, и только одно это имя сохранило полный смысл и полное звучание, без пустотелости и эха.

Все его звали Андреем — все, кроме матери. Мать тоже хотела бы называть его так, как зовут другие, но одно его имя у нее никак не получалось. Сначала ей на ум приходили имена ее погибших сыновей, эти стреляные гильзы калибра года рождения, которые брэнчали, задевая друг друга, и она называла их, словно стреляла холостыми патронами, и только потом, когда оставалось одно имя, она называла и его — живое, счастливое имя своего четвертого сына.

— Василий — Петра — Никита — ...Андрей, — говорила она. — Василий — Петра — Никита — Андрей.

Четвертый сын сердился:

— Почему ты не можешь называть меня нормально?

Мать собирала имена и где-то там, у себя в памяти, раскладывала их по отдельным ящичкам: тут Василий, погибший под Москвой, тут Петр, погибший под Курском, тут Никита, погибший под Берлином, а тут Андрей — три ящичка можно замкнуть на ключ, а четвертый надо держать открытым. Но когда приходило время взять из четвертого ящичка одно только имя, вдруг сами собой раскрывались ящички, замкнутые на ключ, и имена, как невольные слезы из глаз, вырывались наружу.

— Василий — Петра — Никита — Андрей, — говорила мать и, пугаясь, опускала глаза.

— Ты издеваешься надо мной, — злился ее четвертый сын.

— Нет-нет, Василий — Петра — Никита — Андрей.

Потом мать умерла и взяла с собой имена всех своих погибших сыновей. Четвертый сын остался один. Все называли его только Андреем, его собственным именем, записанным в паспорте. А ему вдруг стало не по себе. Он вздрагивал, когда слышал одно свое имя, без защиты имен погибших братьев. Только теперь он понял: у матери эти холостые выстрелы были выстрелами предупреждения, что есть у нее еще один сын, живой и здоровый, что есть еще у матерей сыновья, живые и здоровые...